

Ser.: Social'no-jekonomicheskie nauki i iskusstvo. 2008. № 3(27). S. 108–111.

4. Kul'turologija: ucheb.-metod. kompleks / I.A. Petrova, O.V. Galkova, G.P. Kibasova i dr.; pod obshh. red. I.A. Petrovoj. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2015.

5. Miljukov P.N. Vospominanija: v 2 t. M.: Sovremennik, 1990. T. 2.

6. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury: v 3 t. M.: Progress-Kul'tura, 1994. T. 2.

7. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. Chast' vtoraja. Cerkov' i shkola (vera, tvorcestvo, obrazovanie). Spb.: Mir Bozhij, 1897.

8. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. Chast' pervaja. Naselenie, jekonomicheskij, gosudarstvennyj i soslovnij stroj. Spb.: Mir Bozhij, 1896.

9. Mitjaeva O.I. Rol' Miljukova v izuchenii otechestvennoj kul'tury v jemigrantskij period // Rossijskaja intelligencija na rodine i v zarubezh'e. M., 2001. S. 119–126.

10. Mihajlovskij N.K. Vperemezhku // Sochinenija: v 6 t. Spb.: 1897. T. 4. S. 205–382.

11. Petrova I.A. Osobnosti kul'tury HH veka. 2-izd. dop. i ispr. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2006.

12. Petrov A.V. «Zolotoj vek» russkoj kul'tury // Kul'turologija. Volgograd: VolGMU, 2007. S. 186–200.

13. Petrov A.V. Prava cheloveka v kul'ture monarhicheskoj Rossii // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Pedagogicheskie nauki. 2007. № 4 (22). S. 146–149.

Peculiarities of Russian literature development in the conception by P.N. Milukov

There is described the view of a Russian politician and historian Pavel Nikolaevich Milukov (1859-1943) on the Russian literature of the XIX century. There are revealed the fundamentals of his conception of Russian culture originality and their influence on the development of the Russian literature as a whole and especially in the period of the "golden century". There is found out the influence of P.N. Milukov's conception on establishment and development of the new "culturological" approaches in study both of Russian culture and of Russian history.

Key words: *cultural evolution, classical period of the Russian literature, national creative works, secularization of literature, romanticism, sentimentalism, realism, P.N. Milukov.*

(Статья поступила в редакцию 22.05.2015)

Н.О. ЛЕНИВИХИНА
(*Волгоград*)

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО «ЖЕНСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ» В 20-е гг. XX в. (на примере Нижневолжского региона)

Описана деятельность женотделов (органов по работе среди женщин) в 20-е гг. XX в. в Нижнем Поволжье. На основе архивных документов выясняются условия и методы работы партийных органов с женскими массами. Отмечается двойственность политики руководящих структур в отношении женского вопроса: с одной стороны, документы свидетельствуют о трудностях вовлечения женщин в общественную жизнь, и, с другой стороны, явно прослеживается стремление ограничить женскую активность определенными рамками, условиями, инструкциями.

Ключевые слова: «женская активность», женотделы, делегатские собрания, политическая грамотность, делегатки, «женский вопрос».

Ломка культурно-исторической парадигмы, произошедшая в 90-х гг. XX в., вызвала потребность в ревизии многих взглядов и положений, утвердившихся в исторической науке. Одной из проблем, актуализировавшихся в настоящий период, стал так называемый «женский вопрос», который в условиях советской действительности сводился не столько к установлению реального равноправия женщин, сколько к декларации равных возможностей.

Современные исследователи выделяют три этапа в изучении «женского вопроса»: 1) 1920 – 1940-е гг. – период становления советской историографии; 2) 1950 – 1980-е гг. – исследование женской темы с точки зрения классового противоборства; 3) конец 80-х гг. XX в. – начало XXI в. – пересмотр историографической традиции и появление новых направлений.

Публикации 1920–1940-х гг. (А. Исаев, А. Рязанова, К. Кирсанова и др.) имели в основном пропагандистский характер, призваны были доказать успехи советской эмансипации, интеллектуальный и политический рост советских женщин – активных «строителей коммунизма»¹.

В 1950–1980-х гг. женская тема рассматривалась как составная часть в решении классовых проблем советского общества. Ис-

следователи (Н.Д. Араловец, В.Л. Бильшай, Е.Д. Емельянова, П.М. Чирков и др.) рассматривали данный аспект исключительно с позиций борьбы трудящихся за свое освобождение. Авторы обобщающих трудов доказывали успешность социалистического общественного устройства, акцентировали внимание на определяющей роли партийных органов в работе среди женщин, реже анализировали деятельность женотделов, проблемы семьи и брака и делали вывод о благополучном решении «женского вопроса» в СССР².

На третьем этапе, в рамках изучения истории женского движения в России и СССР, появились и успешно разрабатываются новые проблемные направления: гендерная история, вопросы методологии, изучение повседневности как части социальной истории и др. (исследования С. Айвазовой, Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной, Н.Б. Лебиной и др.). Для обозначения участия женщин в экономических, политических и социальных преобразованиях XX в. ввели термин *женская активность*³.

«Женская» и гендерная историография сегодня достаточно обширна, однако всестороннее исследование исторического опыта женского движения в России в первой трети XX в. требует детального изучения регионального аспекта. Наше исследование представляет собой попытку в какой-то степени ликвидировать данный пробел в отношении Нижнего Поволжья.

В.И. Ленин в своих статьях и речах неоднократно указывал на необходимость не только учитывать, но и использовать женщин в революции и социалистическом строительстве: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»⁴.

Партия большевиков восприняла данный тезис как руководство к действию. Уже в 1918 г. при комитетах РКП(б) создаются комиссии по агитации среди женщин. Предполагалось, что женщинами надо управлять, ими обязательно нужно руководить, только в этом случае можно рассчитывать на успех: «... надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин. Выбирайте же больше женщин работниц в Совет, как коммунисток, так и беспартийных. Лишь бы была честная работница, умеющая вести толковую добросовестную работу»⁵. На ежегодных съездах РКП(б) в ряду неотложных задач особо выделяется необходимость привлечения работниц и крестьянок «к борьбе за ком-

мунизм и к советскому строительству»⁶. Резолюция съезда РКП(б) (март – апрель 1920 г.) «О работе среди женского пролетариата» подчеркивала: «IX Всероссийский съезд предлагает всем губкомам, уездкомам и коммунистическим ячейкам обратить самое серьезное внимание и принимать деятельное участие в работе среди работниц и крестьянок, организуя при наших партийных комитетах отделы работниц, где их еще не существует, и усиливая их работу там, где они есть (согласно инструкциям ЦК), при этом выделяя ответственных организаторов и заведующих отделами из среды лучших партийных работников.

Самое серьезное отношение к работе среди женского пролетариата города и деревни и активное участие в ней всех членов Коммунистической партии увеличат ее ряды новыми неиспользованными силами, новыми работниками во всех областях советского строительства и борцами за осуществление коммунистического строя»⁷.

Для того чтобы эффективнее использовать многомиллионный женский потенциал, в 1919 г. комиссии по агитации среди работниц преобразуются в женотделы – отделы по работе среди женщин. В их ведении находятся делегатские собрания, возникшие еще во время Гражданской войны. Инесса Арманд, один из первых организаторов женского движения в Советской России, заявляла: «Делегатские собрания – лучшая опора всей нашей работы»; «это то, что мы называем **пропагандой делом** (жирный шрифт мой. –Н.Л.), т.е. привлечение работниц к практической работе, то, что мы проводим в делегатских собраниях для того, чтобы привлечь работниц к советской и партийной работе»⁸. Именно эти собрания более чем на десятилетие становятся основной формой организации женской активности.

Не доверяя беспартийным массам, большевики не могли оставить их без постоянного контроля. Свои намерения они декларировали открыто: «Что такое делегатские собрания? Это отнюдь не отдельные организации работниц и крестьянок... Это один из лучших органов нашей пропаганды, благодаря которому мы получаем возможность длительного влияния на делегатов (делегатские собрания должны собираться систематически) и, следовательно, возможность провести среди них путем систематических бесед определенное политическое воспитание, а из лучших среди них подготовить работников», – писала И. Арманд (Елена Блонина) в журнале «Коммунистка» в 1920 г.⁹ П.М.Чирков в работе «Решение женского вопроса в СССР» отмечает, что «женот-

дела сосредоточили главное внимание на работе с представителями отсталых слоев трудящихся женщин, которых называли делегатками. А через делегаток женотделы оказывали влияние на остальных женщин»¹⁰. Женотделы организовывались во всех уездах и губерниях страны, в том числе в Саратовской и, позже, в Царицынской. Главными сферами деятельности женотделов были воспитание женщин в коммунистическом духе и привлечение их к социалистическому строительству. Женотделы организовывали выборы делегаток, разрабатывали программу и проводили делегатские собрания, подбирали женский актив, направляли деятельность делегаток-практиканток в советских, союзных (профсоюзных), кооперативных органах, трудоустроивали безработных женщин, организовывали мастерские, артели в городах и на селе. Во главе отделов по работе среди женщин всегда «стоит товарищ, выдвигаемый комитетом» РКП(б), «работает отдел по инструкции ЦК»¹¹. Делегатки избирались на собраниях работниц и служащих, проходивших под контролем и руководством партийных ячеек предприятий. Для работы с крестьянками назначались волостные организаторы. Специальные организаторы назначались для домохозяек, которые также входили в сферу деятельности женотделов. Внешним отличием женоргов и избранных делегаток был красный платок, повязанный на голове, с узлом на затылке. Именно так изображена деловитая «кновая женщина» Советской России на картине Г.Г. Рязского «Делегатка» (1927 г.).

Как свидетельствуют архивные документы, делегатские собрания собирались раз в неделю. До 1923 г. делегатские собрания переизбирались каждые полгода, позже – раз в год. На собраниях делегатки слушали доклады, участвовали в беседах о политике Советской власти, правах женщин, международном положении, ситуации внутри страны и др. Обязанностью делегаток было участие в этих собраниях, а также во всех политических кампаниях, кроме того, они проходили практику в советских, хозяйственных, профсоюзных и прочих учреждениях. Практиканство – это была еще одна форма организации женской активности, попытка заинтересовать женские массы возможностью принять какое-то участие в управлении и хозяйствовании. Руководители учреждений и организаций обязаны были знакомить практиканток с делами. Делегатки («красные платочки») должны были выявлять недостатки в работе отделов, помогать их устранению, обсуждать деятельность

этих отделов на делегатских собраниях. С первых же шагов начались проблемы. От делегаток, неясно представлявших сферу деятельности учреждений и собственные задачи, попросту отмахивались или предлагали «посмотреть, где, что лежит» – жаловалась женорганизатор Терсинской волости Еланского уезда Саратовской губернии в 1921 г.¹² Часто делегаткам предлагали сделать уборку и, таким образом, засчитывали им «практику». Для неграмотных делегаток обязательным было обучение в школах ликбеза. Руководители и лекторы должны были быть коммунистами с большим стажем. Особое внимание этому стали уделять в 1921 г., когда начинаются кампании по борьбе с фракционерами в партии. На каждом собрании делегаток принимались резолюции, осуждавшие ту или иную фракцию или неожиданно выявившихся врагов революции.

Особую роль в политическом просвещении масс играла печать. С 1918 г. в центральных газетах время от времени выделялись «странички женщины-работницы», где печатались обращения к женщинам (статьи Ленина, Арманда, Коллонтай, Крупской), а также «письма с мест» – заметки от работниц. Позже стали издаваться специализированные журналы для женщин: «Коммунистка», «Крестьянка», «Работница», «Делегатка» и др.

Сделав ставку на массы неграмотных и полуграмотных работниц и крестьянок, партийные комитеты (от ЦК до волкомов (волостных комитетов)) скрупулезно и педантично предписывали планы работы делегатских собраний, тематику лекций и занятий (в том числе и в школах по ликвидации безграмотности). Так, в 1920-е гг. типичной в Царицынской губернии была следующая программа (орфография в соответствии с документом. – *Н.Л.*): «1. Работа с делегатками 3 месяца. Собрания еженедельные... 12 собраний объединенных под лозунгом боевых очередных кампаний. На каждом из остальных собраний отводится место одному докладу на политическую тему, одному по вопросам Советского строительства и проч. 2. Школа делегаток при Губженотделе. 1-й месяц занятия 6 дней в неделю. 4 часа ежедневно политической грамоты и два часа обучению грамоте. 2 месяца Практические занятия в Сов. учреждениях через РКИ. 3. Кружки делегаток. 4. Работа среди домашних хозяек»¹³. Партийные органы стремились не допустить каких-либо отклонений, проявления самостоятельности, творчества и др. В инструкциях, циркулярах, постановлениях, резолюциях съездов конференций и совещаний четко прописывались задачи, которые должны

были выполнить женотделы и делегатки на местах. Программа и тематика «спускались» из женотдела ЦК РКП(б) в губженотделы, которые и отвечали за обучение делегатов. Например, в декабре 1921 г., в условиях голода, по всем женотделам РСФСР было разослано предписание: «1) В самом срочном порядке поставить в порядок дня Отдела и делегатских собраний вопрос об усилении участия работниц и крестьянок в помощи голодающим... 3) Организовать ряд конференций и собраний работниц... 4) Делегировать агитаторов работниц на общие собрания Союзов, предприятий и т.п.; 6) Устраивать собрания домохозяйек ... 7) Усилить агитацию среди крестьянок (конференции, объезды агитаторов) в целях осуществления постоянного самообложения и усиления сборов. 8) Организовывать постоянные пошивочные вечеринки. ... Делегировать работниц на краткосрочные Сельско-Хозяйственные курсы. Участвовать в пропаганде мер предупреждения неурожая, борьбы с засухой и т.п. Ставить эти вопросы в порядок дня делегатских собраний, городских и сельских конференций. ... В целях учета и обмена опытом, как можно обстоятельно и чаще сообщать Ц.О. обо всем сделанном»¹⁴. Данное распоряжение педантично выполнялось и в Саратовской губернии.

При этом столь же тщательно отслеживался социальный состав делегатов и вопросы, которые они задавали на собраниях, лекциях и др. С 1922–1923 гг. все чаще в документах встречаются замечания о том, что недопустимо «записываться в делегатки, можно только избираться на собраниях», «следует избирать в делегатки беднячек»¹⁵. В составе делегатских собраний в Царицынской губернии перечислялись банщицы, черноработчие, сторожихи, уборщицы, рассыльные, сезонные работницы, батрачки¹⁶. «Хорошими» районами считались те, где в составе делегатских собраний «все 100% крестьянок», и «слабыми в работе» районы, где «социальный состав делегатов – 80% интеллигенток (из 9 делегатов. – Н.Л.)»¹⁷.

В первые годы советской власти женщины, загруженные домашней работой, обязаны трудиться также на производстве, старались часто отказаться от «чести» быть избранной. Обязанность проводить много времени на собраниях и лекциях, беседах вынуждала их писать заявления с просьбой отпустить их из партии, из делегатов «по причине неграмотности и многодетности»¹⁸.

Но постепенно положение менялось. Мотивы активизации женщин, как свидетельствуют архивы, были различны: от «шкурных» до

идейных. На протяжении 1920-х гг. в центральной и местной печати постоянно ведется пропаганда общественно полезного труда женщин. В. Маяковский создает своего рода гимн – «Привет делегатке» (1928 г.):

Идут
от станков,
от земли и от кадок,
под красный платок
заправляя прядь.
Сотни тысяч
баб-делегатов
выбраны
строить и управлять. <...>
Ты
должна
ходить на собрания,
не пропустив
ни день,
ни час,
на заводской
и стройке,
и брани
сложной
советской
работе учаь. <...>
Ты
должна
вспоминать почаще,
что избрана
ты
передовой.
Делом примерным,
речью звучащей
опыт
отсталым
передавай.
Завод
и село,
встречай делегатов.
Греми
езде
приветное “здравствуй!”
Ленин
вам –
от станков и от кадок
велел
прийти
и вести государство¹⁹.

Пропаганда и агитация, делегатские собрания, на которых женщины получили возможность не только слушать, но и публично выступать, задавать вопросы, обмениваться мнениями, способствовали повышению самосознания делегатов. Все чаще занимаются они конкретной работой. При этом складывалась тенденция сохранять за делегатками традиционную «женскую» сферу. Поэтому чаще всего их направляли в отделы здравоохранения, охраны труда, охраны здоровья матери и младенца, народного образования, социального обеспечения и в соответствующие секции Советов. Активистки, в том числе и беспартийные, выступали с разного рода инициативами, критикой, в своей деятельности апеллировали к авторитету женотдела, инструкциям ЦК партии, ссылались на документы централь-

ных партийных и советских органов и т.д. Документы 1920-х годов позволяют сделать вывод, что активность женщин, их стремление не только быть исполнителями, но и брать на себя инициативу в принятии тех или иных решений, проведении каких-либо преобразований довольно скоро начинают наталкиваться на противодействие советских и партийных чиновников. В отчетах губкомов и укомов (губернских и уездных комитетов партии) все чаще появляются нарекания в адрес женотделов, повторяются замечания: «... наблюдается бессистемность вопросов делегатских собраний. Вопросы носят случайный характер, а не по программе Губженотдела». «Случайные» вопросы чаще всего касались таких «неудобных» тем, как налогообложение, снабжение, льготы и др.²⁰ В 1922 г. в ряде губерний РСФСР была предпринята попытка со стороны партийных органов ликвидировать женотделы. Так, например, в Камышинском уезде Саратовской губернии в январе 1922 г. был упразднен женотдел по причине «полной бездеятельности и неспособности сидящих во главе товарищей». При этом было «забыто», что весь женотдел крупного уезда состоял из двух человек: заведующей и горинструктора (инструктора по работе с женщинами в городе), которые как коммунистки постоянно привлекались для работы в других отделах, назначались ответственными за организацию партийных конференций, выборов, за проведение разного рода кампаний и др. В 1922 г. женщинам-активисткам Камышинского уезда удалось отстаивать свои права. Между прочим, в резолюциях своих собраний они указывали на то, что уком не только не помогал работе женотдела, но и мешал²¹. Неодовольствие и критика «снизу» по всей стране были столь явными, что в том же году центральными органами РКП(б) принимается ряд постановлений с целью «положить конец ликвидационным настроениям части товарищей в этой области работы»²². «Упразднение Женотделов не должно допускаться», – указывается в особой инструкции от мая 1922 г. При этом подчеркивается, что «всеми парторганизациями должна быть отчетливо усвоена мысль, что работа среди работниц и крестьянок является их непосредственной задачей... Организационно-инструкторские отделы партийных комитетов должны уделять внимание постановке работы среди женщин. Инструктора Орготдела и Женотдела инструктируются совместно по всем партийным вопросам... Все работники Женотделов, выступающие на женских собраниях, а также и отдельные товарищи, обслуживающие

женские собрания, берутся на учет Агитотделом. Собрания, устраиваемые отделами работниц, обслуживаются агитаторами Агитотдела. Отчеты партийных комитетов должны включать в себя отчеты по работе среди женщин, за которую партийные комитеты так же ответственны, как и за работу других отделов»²³. Факт возобновления деятельности женотделов подействовал вдохновляюще. Сводки женотделов свидетельствуют о постоянном росте численности делегатов в городах и уездах. Например, в Камышинском уезде Саратовской губернии в 1924 г. только с января по июль их число возросло с 618 до 710 человек, а к декабрю насчитывалось уже 883 делегатки²⁴.

На протяжении 1925–1929 гг. постоянно расширяется социальная база «женской активности». Все чаще центральные и губернские органы РКП предписывают женотделам привлекать к участию в делегатских собраниях, в подготовке сельских организаторов беднейшие слои города и деревни: одиноких вдов, батрачек, сезонных работниц и др. Поскольку от этих групп женщин трудно было ждать адекватного идейного отклика, программа их приобщения к социальной активности была адаптирована. Так, съезды и собрания этих групп делегатов предлагалось созывать в более удобное для крестьянок время, «до уборки хлеба», для привлечения использовать «художественную агитацию /инсценировку/, диспуты, художественные вечера»²⁵. Деятельность женотделов по оформлению и организации женской активности приносила свои плоды: действовали школы по ликвидации «гражданской» и политической неграмотности. Выпускницы школ и активистки в первую очередь рекомендовались в партию, в советы, в правление кооперативов. Со второй половины 1920-х гг. самые активные и подготовленные назначались сель- и волоргам (волостными организаторами). Авторитет делегатов и женотделов возрос настолько, что в ряде районов Нижнего Поволжья (Еланский и Саратовский уезды, Палласовский кантон) женщины сами организовывали женотделы и выбирали делегатов, которые вмешивались в распределение семенного зерна, мануфактуры, принимали меры по преследованию самогонщиков, организовывали перевыборы сельсоветов и др. Подобные вольности вызывали самую негативную реакцию. Так, в «Материалах по обследованию работы среди женщин по Саратовскому уезду» с неодобанием отмечалось «неправильное понимание форм работы, ... организованы сельженотделы, делегатки себя называют народными делегатками, а со стороны вол-

кома и волорганизатора разъяснения к устранению таковых не давалось»²⁶. Центральные и местные органы РКП предпринимают радикальные меры по предотвращению подобных ситуаций. Самостийные женотделы распускались, а коммунистам на местах предписывалось разъяснять женщинам структуру и сферу деятельности женотделов, права и обязанности делегатов: исключительно контроль, но ни в коем случае невмешательство в деятельность той или иной структуры. Если делегатки обнаруживали какие-то упущения или нарушения, им предписывалось действовать только через посредство партийных органов²⁷.

Постепенно все более жестко пресекаются попытки женских активов проявить какую-то инициативу, провести собрание по своему плану, выбрать делегатов самостоятельно. Как негативный прецедент, повторения которого нельзя допускать, рассматривались на заседании бюро Сталинградского окружного комитета ВКП(б) в 1929 г. перевыборы делегатских собраний в трамвайном депо. В постановлении указывалось: «произведенные выборы по ячейке Трамдепо отменить: ячейке за незаконные выборы поставить на вид»²⁸.

Все чаще к началу 1930-х годов наряду с хвалебными реляциями об успехах в решении «женского вопроса» в СССР, в документах, резолюциях и отчетах звучат замечания о недоработках женотделов, о необходимости усиления партийного контроля и руководства деятельностью делегатских собраний. «На работу среди работниц необходимо выделять наиболее авторитетных коммунистов, причем вся партийная и профсоюзная работа должна обеспечивать руководство работой среди работниц»²⁹. Стремление ограничить женскую активность и самостоятельность женских организаций проявляется в желании подчинить их партийной дисциплине, для обозначения этой тенденции в документах часто используется выражение «окоммунизирование» низового аппарата.³⁰ Одновременно с расширением охвата женских масс путем привлечения их к общественной активности, происходит ограничение их самостоятельности. Инструкции по перевыборам делегатских собраний в 1926–1928 гг. устанавливают нормы: «Где имеется небольшое количество батрачек 5-10, всех включать в состав делегатского собрания; от работниц- от 5 – 1; от крестьянок- от 10 – 1», при этом не рекомендовалось проводить выборы делегатов в селах, где не было членов партии, предписывалось: «допускать повторность старых делегатов (т.е. опытных делегатов прошлых лет – Н.Л.) не более 5 и 10%, с таким рас-

четом, чтобы в составе делегатского собрания было не меньше 30 и не больше 80 человек».³¹

Ответственными за работу среди женщин все чаще назначаются не только представители женотделов, но и «способные члены комсомола, члены и кандидаты партии (женщины), а там где нет таковых... члены и кандидаты партии (мужчины)».³² Под их руководством делегатки участвуют во всех политических кампаниях, в кооперативном движении, участвуют в выборах советских органов, становятся членами правлений и т.п. Фактически от них мало, что зависит. Они могут выступать только с общегражданских позиций, женская специфика уже не принимается во внимание. Обезличенная пропаганда советских реалий конца 1920-х гг. приводила к тому, что сами женщины на общих собраниях обижались: «к ним все еще относятся как к женщинам, а не как к товарищам».

К 1929–1930 гг., все реже в постановлениях ЦК партии упоминаются женотделы, чаще их функции перераспределяются среди профкомов, месткомов, советских органов и др. В трудах советских исследователей 1950–1970-х гг. (В.Л. Бильшай, П.М. Чирков) авторы объясняли изменившуюся политику тем, что делегатские собрания якобы изначально создавались лишь для работы среди «отсталых слоев женщин», а к 1930-м гг. «отсталые слои женщин, не втянутые в общественное производство и общественно-политическую жизнь уже не составляли большинство... Такая форма стала затруднять мобилизацию широких масс женщин на борьбу за выполнение пятилеток»³³.

Таким образом, партийное руководство страны, с одной стороны, декларировало права женщин, инициировало массовую женскую активность, с другой стороны, всемерно стремилось ограничить самостоятельность женских организаций и структур, осуществляло жесткий контроль и, в конце концов, не умея и не желая воспользоваться огромным потенциалом женского лидерства, отказалось от этих форм работы. В 1929 г. решением ЦК РКП(б) женотделы были ликвидированы, а их функции стали выполнять партийные организации в порядке общепартийной работы. С 1933 г. перестают созываться делегатские собрания. П.М. Чирков оценивает этот факт следующим образом: партия и политическая система в целом к 1930-м гг. значительно окрепли, возросли возможности для работы среди широких масс трудящихся женщин непосредственно, а не через представителей (делегатов) от них. Делегатские собрания и женотделы, по мнению руководителей партии и страны, выполнили свою миссию и должны были уйти в

историю. Многозначительным представляется факт, что сегодня не всякий историк знает эти термины, а такие понятия, как «делегатка», «делегатские собрания» отсутствуют и в исторических, и в энциклопедических словарях.

Примечания

¹ Исаев А. Безработица среди женщин и борьба с нею. М., 1926; Рязанова А. Почему коммунисты отстаивают женский труд в производстве. М., Л., 1926; Кирсанова К. Полное равноправие женщин в СССР. М., 1936; Березовская С. Трудящиеся женщины в социалистическое строительство. М., 1931; Серебрянников Г.Н. Женский труд в СССР. М., Л., 1934 и др.

² Араловец Н.Д. Женский труд в СССР. М., 1954; Беляков В.К., Золотарев Н.А. Организация удешевляет силы. Развитие организационной структуры КПСС. 1917–1974. М., 1975; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1959; Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959. С. 161; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (октябрь 1917–1925 гг.). Смоленск, 1971; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1978 и др.

³ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории истории. М., 1998; Пушкарева Н.Л. Женская история России 1801–1905 гг.: формы социальной активности. Калуга, 2001; Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6; Репина Л.П. «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века. 1994. Вып. 57; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–30-х годов. СПб., 1999; Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999; и др.

⁴ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Соч. Т. XXIII. 1928. С. 286.

⁵ Ленин В.И. К женщинам работницам // Ленин В.И. Соч. Т. XXV. 1929. С. 40

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. С. 114.

⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. С. 267.

⁸ Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 58; Протоколы VIII Конференции РКП(б) / под ред. Н.Н. Попова. М.: Парт. изд-во, 1934. С. 168.

⁹ Арманд И.Ф. Указ соч. С. 96–97.

¹⁰ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Изд-во «Мысль», 1978. С. 89.

¹¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

¹² Там же. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 87. Л. 28.

¹³ Там же. Ф. 1575. Д. 142. Л. 37.

¹⁴ Там же. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11.

¹⁶ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 58. Л. 125.

¹⁷ Там же. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 191. Л. 6.

¹⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2.

¹⁹ Маяковский В.В. Привет делегатке // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Худож. лит., 1955–1961. Т. 9. С. 305.

²⁰ ЦДНИВО. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 191. Л. 18.

²¹ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 17.

²² КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 477.

²³ Там же. С. 571–572.

²⁴ ЦДНИВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 106. Л. 4., Л. 156.

²⁵ Там же. Д. 118. Л. 1.; Ф. 20. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.; Ф. 1575. Оп. 1. Д. 191. Л. 180б.

²⁶ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 118. Л. 33.

²⁷ Там же. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–6 об.

²⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 13. Л. 174.

²⁹ Там же. Л. 13, 123.

³⁰ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 129. Л. 118.

³¹ Там же. Д. 146. Л. 11.

³² Там же. Д. 129. Л. 3.

³³ Чирков П.М. Указ. соч. С. 99.

* * *

¹ Isaev A. Bezrobotica sredi zhenshhin i bor'ba s neju. M., 1926; Rjazanova A. Pochemu kommunisty otstaivajut zhenskij trud v proizvodstve. M., L. 1926; Kirsanova K. Polnoe ravnopravie zhenshhin v SSSR. M., 1936; Berezovskaja S. Trudjashhiesja zhenshhiny v socialisticheskoe stroitel'stvo. M., 1931; Serebrjannikov G.N. Zhenskij trud v SSSR. M., L., 1934 i dr.

² Aralovec N.D. Zhenskij trud v SSSR. M., 1954; Beljakov V.K., Zolotarev N.A. Organizacija udesjaterjaet sily. Razvitie organizacionnoj struktury KPSS. 1917–1974. M., 1975; Harchev A.G. Brak i sem'ja v SSSR. M., 1959; Bil'shaj V.L. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR. M., 1959. S. 161; Emel'janova E.D. Revoljucija, partija, zhenshhina. Opyt raboty Kommunisticheskoy partii sredi trudjashhijsja zhenshhin (oktjabr' 1917–1925 gg.). Smolensk. 1971; Chirkov P.M. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR. M., 1978 i dr.

³ Ajvazova S. Russkie zhenshhiny v labirinte ravnopravija. Oчерki politicheskoy teorii istorii. M., 1998; Pushkareva N.L. Zhenskaja istorija Rossii 1801–1905 gg.: Formy social'noj aktivnosti. Kaluga, 2001; Repina L.P. Gendernaja istorija: problemy i metody issledovanija // Novaja i novejschaja istorija. 1997. № 6; Repina L.P. «Zhenskaja istorija»: problemy teorii i metoda // Srednie veka. 1994. Vyp. 57; Lebina N.B. Povsednevnaja zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–30-h godov. SPb; 1999; Gradskova Ju. «Obychnaja» sovetskaja zhenshhina – obzor opisaniij identichnosti. M., 1999; i dr.

⁴ Lenin V.I. Rech' na I Vserossijskom s#ezde rabotnic 19 nojabrja 1918 g. // Lenin V.I. Soch. T. XXIII. 1928. S. 286.

⁵ Lenin V.I. K zhenshhinam rabotnicam // Lenin V.I. Soch. T. XXV. 1929. S. 40

⁶ КПСС v rezolucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. T. 2. 1917–1922. M.: Politizdat, 1983. S. 114.

⁷ КПСС v rezolucijah ... T. 2. 1917–1922. M.: Politizdat, 1983. S. 267.

⁸ Armand I.F. Stat'i, rechi, pis'ma. M.: Politizdat, 1975. S. 58.; Protokoly VIII Konferencii RKP(b) / pod red. N.N. Popova. M.: Part. izd-vo, 1934. S. 168.

⁹ Armand I.F. Ukaz soch. S. 96–97.

¹⁰ Chirkov P.M. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917–1937 gg.) M.: Izd-vo «Mysl'», 1978. S. 89.

¹¹ Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). F. 55. Op. 1. D. 17. L. 5.

¹² Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 87. L. 28.

¹³ Tam zhe. F. 1575. D. 142. L. 37.

¹⁴ Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 85. L. 14.

¹⁵ Tam zhe. F. 11. Op. 1. D. 11.

¹⁶ Tam zhe. F. 12. Op. 1. D. 58. L. 125.

¹⁷ Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 6.

¹⁸ Tam zhe. F. 11. Op. 1. D. 2.

¹⁹ Majakovskij V.V. Privet delegatke // Poln. sobr. soch.: v 13 t. M.: Hudozh. lit., 1955–1961. T. 9. S. 305.

²⁰ CDNIVO. F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 18.

²¹ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 17.

²² КПСС v rezolucijah... M., 1983. T. 2. S. 477.

²³ Tam zhe. S. 571–572.

²⁴ CDNIVO. F. 55. Op. 1. D. 106. L. 4., L. 156.

²⁵ Tam zhe. D. 118. L. 1.; F. 20. Op. 1. D. 13. L. 13.; F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 18ob.

²⁶ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 118. L. 33.

²⁷ Tam zhe. F. 10474. Op. 1. D. 18. L. 6–6 ob.

²⁸ Tam zhe. F. 20. Op. 1. D. 13. L. 174.

²⁹ Tam zhe. L. 123.

³⁰ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 129, L. 118.

³¹ Tam zhe. D. 146. L. 11.

³² Tam zhe. D. 129. L. 3.

³³ Chirkov P.M. Ukaz. soch. S. 99.

Party management of women's activity in the 1920s by the example of the Lower Volga Region

There is considered the work of women's departments in the 1920s in the Lower Volga Region. Based on the archival documents there are found out the conditions and methods of work with women. There is noted the duality of authorities' policy concerning the women's issue. On the one hand, the documents show the difficulties to involve women into social life. On the other hand, there is traced the tendency to limit women's activity by some particular frames, conditions, guidelines.

Key words: *political competence, women's activity, women's departments, delegate meetings, delegates, women's issue.*

(Статья поступила в редакцию 16.01.2015)

А.О. ТЮРИН
(Астрахань)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

На основе докладов, оперативных донесений и текстов публичных выступлений, хранящихся в архивах, анализируются формы политического поведения городского населения. Рассматривается отношение горожан к законодательным органам власти разного уровня в период избирательных кампаний второй половины 1930-х гг.

Ключевые слова: повседневность, горожане, избирательные кампании, политическое поведение, власть, Нижневолжский регион.

Во многих современных научных и учебно-методических работах советский политический режим второй половины 1920-х – начала 1950-х гг. определяется как тоталитарный, которому было свойственно стремление к полному контролю всей жизни общества и каждого человека, или же характеризуется как «всеобщее государство», осуществляющее тотальный контроль всех сторон частной и общественной жизни. Однако в этих обстоятельствах граждане политически участвовали в жизни страны.

По определению Д.В. Ольшанского, «выборы и избирательные кампании – основная форма политического участия. Под политическим участием понимается неотъемлемое свойство политической или иной управляющей (или самоуправляемой) деятельности людей, служит одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения, в процесс принятия решений и управления, носящих политический характер» [10].

Типологию форм политического поведения можно свести к следующему делению: а) политическое отчуждение представляется как отстранение большинства сознательных граждан от реальных процессов формирования власти и контроля над ней, сосредоточение усилий человека на решении проблем личной жизни. Часто это происходит при излишней бюрократизации аппарата, а следстви-